

очень интересно именно в контексте того, что сейчас в культуре происходит. Епископ Илларион известен мне со студенческой скамьи, поскольку он был студентом Московской консерватории. Это профессиональный музыкант, который, к нашему удивлению, с 3-го курса ушел из консерватории, посвятив себя Церкви. Дальнейшая его судьба демонстрирует сейчас неслучайность этого шага. Уже будучи епископом, он объединил полномочия иерарха и композитора, творческого человека, создав некий новый жанр. «Рождественская оратория» — одно из произведений, написанных им. Это не музыка для литургии, потому что там имеются музыкальные инструменты, оркестр. Тем более это не музыка для Русской Православной Церкви, но тем не менее это та музыка, которая ведет человека невоцерковленного от рождения и по воспитанию, а ищущего свой путь, она ведет его

к храму. Она ведет его к знанию Бога через знание о Боге, ведет его к духовному через душевное.

Мы исполняли произведение в католических соборах с трансляцией на 200 стран. Эта акция являлась и церковной, и государственной. Это было ощущение России совершенно новой, причем исполнителями были молодые музыканты, которые сами по себе производили очень сильное впечатление на аудиторию. И вот это осмысливается не просто как новый жанр, а как новое явление в культуре и в духовности. Мне кажется, что в этом неканоническом искусстве проблема секулярного и церковного получает какой-то новый аспект, который предстоит еще обдумывать, но тем не менее это, по моему убеждению, и есть поле совместной деятельности и сфера общей ответственности Церкви и государства.

А.А. ЛИХАНОВ,
председатель Российского детского фонда

Учитель — высокая духовная ценность

Очень много существует в мире разных образовательных теорий и практик, они отстаивают свои взгляды, имеют право на существование, и все сходятся в одном: их успех зависит от личности учителя.

Позвольте, я просто расскажу об одной такой личности, о моей учительнице Аполлинарии Николаевне Тепляшиной. Она прожила 96 лет, из них 70 лет отдав школе. Перед революцией закончила Вятское учительское училище и преподавала в начальной церковно-приходской школе при храме Иоанна Предтечи в Вятке. Уже в ту молодую свою пору она славилась верности детству, учительству и пользовалась таким безупречным авторитетом, что жители соседних кварталов, а среди них было немало подросших ее учеников, просили учительницу стать крестной матерью их детей.

Когда она шла после уроков домой, с ней здоровались буквально все подряд, она часто останавливалась, кого-то о чем-то спрашивая,

что-то кому-то наказывая. Хочу заметить, на дворе уже буйствовала атеистическая власть. В Вятке, городе старом и богомольном, сверкавшем сотнями куполов, новые посланники из центра горячились особенно рьяно. Взорвали, к примеру, Александро-Невский собор, построенный по проекту несчастного Александра Витберга, автора первого, как известно, но не осуществленного, проекта Храма Христа Спасителя в Москве на Воробьевых горах. Закрыли и храм Иоанна Предтечи, устроив там Планетарий. Но школа осталась вместе со своими учительницами, вместе с Аполлинарией Николаевной Тепляшиной, рядом со множеством ее бывших учеников и крестников.

Порушенный и разоренный храм можно сравнить, пожалуй, со спиленным, сломленным деревом. Печальная данность! Но у дерева есть корни. Не выбираясь наверх, в невидимом взору пространстве, они могут и отмереть, но они могут и жить, пуская новые ростки, продолжая де-

ло, если и не прямо церковное, то, безусловно, духовное, христианское, божеское. В ту детскую пору, что вполне естественно, да и во взрослые мои времена, мы с Аполлинарией Николаевной никогда деликатно не касались ее веры.

Положение учителя бывшей церковно-приходской школы было весьма непростое. За учительством приглядывали, как известно. Педагогу зайти в храм значило лишиться работы. Иконки хранились тайно, но суть сохранялась. И в этом я вижу не лукавство, не прислуживание переменам, не отступничество, а истинное служение собственным взглядам, которые не отделялись от духовных убеждений.

Православный дух, наверное, можно сравнить с полем, где все *сущее*: и пашня, приносящая зерно, хлеб наш насущный, и долины, полные цветов, которыми ликует красота. Тут и детство, играющее в этом поле, но требующее своего научителя и блюстителя. Служение детству, его спасение, подчеркну особенно это слово, не Божье ли это поручение? А ведь исполнять его надобно в любые, в самые изгнанные времена, что бы ни случилось с этим нашим полем.

Я учился у Аполлинарии Николаевны в годы войны, школа работала в три смены. Первая начиналась в 8 утра, в кромешной тьме, потому что электроэнергию использовали оборонные заводы. В сумках мы носили чернильницы-непроливайки и самодельные светильники от подсвечников (но это было редкое удовольствие) до керосиновых коптилок. Урок начинался двумя действиями сразу, кто-то отвечал у доски, но учительница не просто слушала, она шла между рядами в сопровождении дежурного, который держал кружку. В одной руке у учительницы была серебряная ложечка, которую она всякий раз ополаскивала, а в другой коричневая коробка с витамином С. Витамин этот продавался в войну в аптеке без карточек. Каждый получал витаминку прямо в рот с ложечки и должен был шарик этот обязательно раскусить. Когда аптечные витамины заканчивались, Аполлинария Николаевна выходила вместе с нами во двор, и самые ловкие мальчишки лазали на невысокие вятские сосенки, чтобы надрать хвои. Хвою заваривали в ведре. И по утрам учительница заставляла каждого выпить хотя бы по полкружечки этого горького отвара. И так каждое утро, каждую зиму, всю войну. Она спасала и спасла нас от цинги. Немаловажная деталь.

Сразу после войны наша учительница получила орден Ленина. Сталин давал такие ордена учителям за выслугу лет. И это был ее второй орден Ленина. А давали эти награды самым

лучшим за 20 лет службы. К наградам полагались деньги. Так вот именно на эти самые деньги учительница покупала для нас витамин в аптеке, добавляя, когда эти деньги кончались, из своей зарплаты. У нашей Аполлинарии Николаевны не было семьи и, мне кажется, что она безмолвно приняла на себя долг гражданского монашества. Она не торопилась уходить из школы домой, она не ставила двоек, а только точку в журнале. Когда они видела, что кто-то что-то не понимает, она ставила эту точку, а после занятий уводила таких ребят в учительскую и там разбиралась с каждым, вытаскивала нас, если надо, за уши, «поштучно». Никто и ни разу не получил ни единой двойки за те годы учения у нее.

Повторюсь, шла война, в семьи ее учеников приносили похоронки, и учительница приняла на свою душу, на свои плечи утешительскую обязанность. После я узнал, что почтальон тех кварталов была ее ученицей. Понимая, кому она несет похоронку, и сил на то не имея, она шла к учительнице, и потом обе уже двигались к горькому крыльцу. Я одно время сидел за одной партией с Вовкой Мошкиным. Его старший брат, тоже ее бывший ученик, погиб, а у матери их, тоже бывшей ученицы и крестницы, было больное сердце. Почтальон пришла с похоронкой к учительнице, и та приняла грех на душу, забрала похоронку себе, наказав помалкивать. После уроков, я это видел своими глазами, заглядывая к Вовке, учительница сидела у них в доме, и о чем-то они говорили с больной женщиной. Потом уже мы поняли, что наставница готовила мать принять беду. Похоронку отдала нескоро, много незримых душевных сил потратила, чтобы спасти мать и не убить ее горем. Но кто узнает о собственном сердце учителя?

Аполлинария Николаевна в годы войны, когда нельзя было достать обыкновенную тетрадку, где-то их раздобывала, похоже, на рынке за собственную зарплату, и учила нас чистописание. По остальным предметам у большинства из нас были тетради, сшитые из газет, и писали мы прямо по печатным словам. С детства знали правило: если в газете портреты вождей, лучше к ним не прикасаться.

Она впервые привела весь свой класс, а нас было 30 душ, в детскую библиотеку. Потом мы на ее уроках рассказывали прилюдно, кто что прочитал и почему это понравилось. Странно, я не помню из тех лет ни одного, так сказать, политизированного сочинения. «Железную дорогу» Некрасова помню, сказки Пушкина, конечно, лермонтовский кремнистый путь при свете луны

тоже из начальной школы. Получается, учительница оберегала нас духовно, если хотите, ограждала нас от того, что было тогда желательно, но обходимо. Вот она и обходила.

Оценивая жизнь и духовный опыт, духовный подвиг своей учительницы, я рассматриваю его, прежде всего, как веру в потаение, сохранение убеждений в предложенных обстоятельствах бедствия, войны, угрозы детству, нездоровья, голода. Эти разрушительные начала своим опекунством, заботничеством, самоотречением она переплавляла в реальную спасительность, защиту. Ее пример свидетельствует, на мой взгляд, такому посылу: **восклицание, воззвание, даже убеждение ничто перед тихой, но неустанной милостью, добротой, овеществленной неустанными поступками, творящимися один за другим, нестяжательством, негромким благодеянием, невозглашенным спасительством.** Все, что есть «волшебство истинного учительствования», наверное, сразу и не перечесать. Для меня ясно, что знание педагога, его профессионализм необходимы, важны, но не они есть высшее достижение истины. Незадолго до ухода своей учительницы я побывал у нее. Похоже, по какому-то знаку, когда я вошел в подъезд, погас свет, и я будто вновь очутился в военном классе, увидев лицо своей милой наставницы, освещенное свечечкой. Среди прочего она сказала о себе, может, самое главное: «Ты знаешь, я часто просыпаюсь по ночам от страха: звенит звонок на урок, а я не успела проверить ваши тетрадки». Напомню, ей в этот миг — 96 лет. Дорогой моей учительнице я посвятил свою повесть, которую так и назвал «Крестная». В ее честь Российский детский фонд вместе с властями Кирова и Кировской области учредил **премию** ее имени для учителей начальной школы с вручением золотого нагрудного знака, где вычеканен ее лик. А ее большой портрет лауреат должен вывесить в классе, в котором он учителевствует.

Глубоко уверен, и призываю к этому: такие награды можно и нужно учредить в каждом регионе, **ведь вера в лучшие начала человека, духовность в высоком смысле слова сохранились благодаря, в том числе, таким учителям.**

Истина — в подлинности отношений, неотвержении самого трудного дитяти, неустанном практическом спасительстве.

Это все нравственные качества, которым не обучишь, их не выявить никакими методиками, они в таинстве сознания и сердца, и сами по себе — зеркало внутренней правды. Увы, мето-

дов проявления этих начал сегодня нет. С будущим учителем речей о нравственной его сущности никто или почти никто не ведет, да и не сможет вести никто, кроме Церкви и веры в высоких пониманиях этих смыслов. В силу избранного мною служения я вижу много взрослых, в том числе педагогов, оказавшихся перед лицом сиротства, тяжелой детской инвалидности, детской преступности. Увы, часто работа с этими детьми ограничивается рамками исполнения служебных функций, в то время когда требуются иные качества, духовные. Где их взять? На чем они могут взойти? Только на вере и любви, глубоких и искренних. И здесь громко вопиет разрыв между Церковью и государством. Государство не может, Церковь не допущена.

Когдаходишь в многолюдную палату, где лежат брошенные родителями глубоко больные дети, в коростах, грязи, испражнениях, видишь их безумно удивленные глаза и слышишь их бессмысленный отчаянный вопль, поневоле спрашиваешь: что с этим способно справиться? Вновь и не в первый раз повторяю: только монашество, особое, специально подготовленное сестричество, к которым может присоединиться часть светского мира, но специально переобученного: учителя, врачи, медицинские сестры специальной квалификации. И здесь я уже вижу замечательный пример: отец Анатолий Берестов, доктор медицинских наук, детский невролог высочайшего класса, возглавил душепопечительский совет Крутицкого патриаршего подворья. Соединяя веру с новейшими врачебными технологиями, он успешно помогает молодым людям, которые находятся в наркотической, алкогольной и сектантской зависимости. Можно сказать, моей учительнице было легче, она спасала обычных детей, но она спасала.

Я рассказал это, потому что **опыт спасительности сегодня, когда так много кладется сил на людское разобщение, необходим, может быть, как никогда. Мы живем в эпоху, когда собирательство внутренних, духовных сил нации необходимо буквально на клеточном уровне. Только тесно примыкая друг к другу, состыковываясь не в отрицании, а в созидании, в естественном соединении сил не внешних, а глубоко в нас спрятанных, мы можем возродиться как единый народ, умеющий помочь себе сам своими духовными и душевными ресурсами. Ждать помощи не от кого.**